

ГЛАВА 31

Разговор с Сергеем об отце лишь обострил мое чувство вины. Оставшись за бортом фирмы и занимаясь извозом, отец перебивался случайными заработками. Я вспомнил еще нашу с отцом наработку по бизнесу – поставку моющих и прочих специальных средств на пищевые производства – и с ней пошел к отцу. Тот ужинал.

– Па, может, ты займешься этой химией для предприятий? – начал я, подсев рядом.

– Может, и займусь... – ответил отец, посмотрел на меня внимательно и продолжил довольно зло жевать кусок мяса. – А тебе-то чего с этого?

– Да мне ничего, – пожал я плечами. – Просто вспомнил, что вроде как собирались с тобой этим заняться, да так и оставили... Не, я понимаю, что это очень специфичный товар и, по правде говоря, я не очень в это верю сам, что там что-то получится, но как вариант?

– Как вариант – можно, – прожевав, кивнул отец.

– Если будешь этим заниматься, то все условия есть! – обрадовался и затараторил я. – Товар, я уверен, дадут с хорошей отсрочкой. Склад есть. У нас можно всегда выгрузить и хранить, сколько понадобится и бесплатно. Закупать не надо, просто работать под заказ. Составить коммерческое предложение и объезжать с ними предприятия... Я могу сделать прайс и все нужные бумаги... будешь заниматься?

– Займусь! – произнес отец резко. – Я же сказал, займусь... Готовь прайс.

Я кивнул, встал и вышел из кухни.

– Вер, давай, кое-что напечатаем! – сходу выдал я, едва заявился с утра в офис.

Сергей и Вера уставились на меня с интересом.

– Серый, дай, я сюда сяду! – нетерпеливо добавил я. – Надо мне кое-чѐ посчитать! Давай-давай, вставай!

Тот, удивленный и заинтригованный, вздохнул, нехотя и лениво встал из-за стола и со словами «ох, Роман!» переместился в кресло у двери.

Усевшись за стол, я рассказал Вере и Сергею о вчерашнем общении с отцом.

– Ну, если хочет, пусть занимается, почему бы и нет! – пожал плечами Вера. – Давай, говори, что надо напечатать, сейчас все сделаем...

– Ты вот думаешь, из этого что-нибудь получится!? – скривился мнительно Сергей и скрестил руки на груди.

– Серый, я не знаю! Может – да, может – нет. Я сильных надежд не питаю, но чего батя будет без дела болтаться? Пусть попробует... Глядишь, и заработает что-то...

– Да я не против, нет! Ты не подумай... – казал Сергей, предупредительно махнув рукой. – Пусть занимается, если хочет... А как он будет работать, от себя?

– Я думаю, от нас пусть работает. Будем ему товар через минимальную наценку отпускать, а остальное, что заработает – его... – предложил я.

– А, ну... – Сергей зевнул и лениво закончил. – Я не против... пусть работает...

К концу дня все было готово – коммерческое предложение, прайс-лист и договор с производителем. Вера шустро справлялась со своей частью работы. Я решал все вопросы по условиям поставки. Сергей безучастно сидел у двери, посматривал на нас скучающим взглядом и изредка ковырял в носу.

Вера кликнула мышкой, и принтер выдал стопку бумаг, которую я тут же принялся штамповать печатью. Закончил, глянул на напарника и произнес:

– Серый, ну, садись обратно! Виза генерального директора нужна!

Тот, довольный услышанным, с заметным достоинством вернулся за стол. Взял в руки бумаги, полистал их и с едва уловимым сарказмом в голосе и взгляде произнес:

– Чем мы уже только не торгуем! Будем теперь еще и этим торговать... да, Роман!?

Сергей повернул лицо в мою сторону, в окончании фразы слышалась легкая издевка. И возникло ощущение, что сказанное относилось не только к товару, но и целилось в меня и отца. Сергей будто давал понять, что считает затеянное глупостью.

– Да, Серый! – парировал я издевку ухмылкой. – На всем будем зарабатывать!

– Тут подписывать? – ткнул напарник в верхний лист.

– Да, коммерческое предложение, там пятнадцать листов! – кивнул я.

Навалившись вправо на плечо и склонив туда же голову, Сергей принялся не спеша выводить на каждом листе подпись.

– Анатолий Васильевич решил какой-то ерундой заняться, – буркнул он с улыбкой.

– Да это не он решил, я ему предложил, – сказал я, уловив в словах Сергея радость, неприятно кольнувшую. – Мы давно общались с этим производителем, но работать так и не стали. Из этого вряд ли выйдет что-то значительное, но может батя что-то и заработает.

– Ох, Роман... – покачал головой Сергей, поставил последнюю подпись, сгреб листы вместе и вальяжно отодвинул от себя на край стола. – На... все... подписал...

– Так, это сделали, отлично! – взял я стопку. – Дома отцу отдам, пусть изучает...

Сергей закинул сцепленные в пальцах руки на затылок, откинулся в кресле, чуть повернулся в нем в сторону окна, глянул туда и сладко зевнул.

– Че с парфюмерией!? – начал я следующий день пятницу 9 декабря с вопроса, едва явился в офис. – Ты звонил в транспортную компанию!?

Сергей сидел, упершись в стол локтями и обхватив пальцами лоб. Услышав вопрос, медленно приподнял голову, глянул на меня и протянул руку:

– Здравова, Ромыч...

– Привет, Серый! – пожал я руку и плюхнулся в кресло у двери. – А где Вера!?

– Сейчас придет, – устало произнес тот и откинулся на спинку кресла.

– Че-то ты вялый какой-то! – брякнул я.

– Да голова болит, – буркнул немощно Сергей и взялся руками за затылок.

В коридоре послышались женские шаги и в офис вошла Вера.

– Выпей «цитрамон». – предложил я. – Мне всегда помогает.

Сергей глянул на меня страдальчески, обхватил голову сильнее и покачал ей.

– Поехали, съездим в аптеку! – добавил я. – А то так и будет весь день болеть!

Уговаривать не пришлось. Я взял накладную первого рейса, отдал ее кладовщику и догнал Сергея уже на улице, вяло бредущего к «мазде».

Мы миновали переезд, и сидящее в моем подсознании вышло наружу.

– Прикинь, с Верой разговаривали на днях... – сказал я. – Ну, че-то разговор зашел о том моменте, когда мой батя уехал от нас. И Вера говорит, что, мол, когда мы с отцом к вам в «Сашу» приехали, когда вы первый раз нас увидели, то подумали, что он, ну, отец – мужчина солидный, обстоятельный, рассуждает правильно, в общем, ну, что он главный у нас двоих, «а Рома – лох какой-то», что-то бегают, суется, дурачок в общем... Прикинь!? Вера меня просто ошарашила этими словами! Я слегка охуел даже. Подумал, надо же, как

про меня люди думали, как Рома, ты, со стороны выглядишь! Даже неудобно стало... Бля, Серый, неужели я реально так выгляжу!? Че, прям на лоха похож!? Хм, удивительно!

Пока мы качались в «мазде» по заснеженной грунтовке, мои слова так и висели без ответа. Машина влезла на асфальт и пошла ровнее.

– Да Вера болтает просто слишком много, – буркнул недовольно Сергей.

До аптеки доехали молча. Там Сергей принял таблетку, и мы покатали назад.

– Да, прикинь, Ромыч, голова прошла! – сказал он уже по возвращении в офис.

– Я ж тебе говорил, – кивнул я. – Плохого не посоветую.

Партия парфюмерии пришла под самый конец рабочего дня. Солнце как раз только село, и остатки дня стремительно гасли в ночи.

– Пошли поможем выгрузить! – произнес я, вставая с кресла и натягивая куртку. – А то, там товара много, пять поддонов... Вручную вдвоем будут выгружать их часа два.

Сергей молча встал и вышел из офиса следом.

Управились за час. Я спрыгнул с грузовика. Кругом уже стояла темень. И лишь над нашим складом светил фонарь. Снег, пошедший перед самой выгрузкой, под конец густо повалил крупными хлопьями, словно хотел ими победить свет одинокого фонаря.

– Нормально так заполнили уже склад, да, Серый!? – произнес я, войдя в склад.

– Да, неплохо, – подойдя следом, ответил тот и довольно шмыгнул носом. – Даже не ожидал, что так у нас все пойдет ровненько...

– К лету вообще битком будет! – сказал я, чувствуя, как распалется в груди огонь жажды деятельности. Акула внутри меня заворочалась, чуя уже не каплю крови, а тонкие ее потоки. Я чувствовал, что мы быстро идем в правильном направлении. И пока другие фирмы будто в полусне медлительно реагировали на изменения рынка, мы хватали подряд все жирные товарные куски и жадно их глотали, расжигая свой аппетит.

– Да дай-то Бог! – вздохнул и взмахнул рукой Сергей. – Я, разве, против!

Все бумаги по моющим средствам для предприятий я передал отцу. Без энтузиазма в голосе он пообещал ими заняться. Я понимал отца, затея не выглядела доходной. Но мне не хотелось, чтобы отец прозябал. Я пытался его встряхнуть, подбодрить. Пусть даже так.

Моя жизнь менялась. Отказ от курения и возникший к алкоголю скепсис включили во мне источник энергии. Клетки тела стали быстро наливаясь этой энергией здоровья. Я начал ощущать вкус еды и видеть жизнь ярче. Негативное и подавленное состояние ушли, я стал чаще улыбаться. Почувствовав вкус к жизни, я понял, что уже не откажусь от него.

– Опять рисуешь курсовики? – произнес я, наблюдая за тем, как Вера, не отрываясь, шпарит пальцами по клавиатуре. Понедельник 12 декабря 2005 года. Время перевалило за три и за окном стремительно темнело. Сергей был в отъезде.

– Не опять, Ром... а снова, – улыбнулась Вера и продолжила.

Она печатала без остановки, словно эти работы были смыслом жизни. Отличница. Вера явно была подвержена одноименному синдрому. «Хорошая жена, повезло Серому», – подумал я без тени зависти, лишь осознав данное как факт.

В следующий миг Вера вдруг поджала к груди руки и зарыдала. Не тихо заплакала, а именно зарыдала. Вздохнул, как рыдают, когда прорывает и сдержаться уже нет сил.

– Нормально... Курить бросил. Вот, думаю, спортом снова заняться, привести себя в форму, – улыбнулся я, заметив, что Рита смотрит на меня прежним взглядом. Холодность, высокомерие, надменность — все исчезло. Женские флюиды Риты вновь запорхали в мою сторону тысячами, окружая, обволакивая и пытаюсь заново очаровать.

– Ды что ты!? – сказала она. – Станешь красивым, девушки будут заглядываться!

Я ухмыльнулся. Рита мне нравилась. Я любил именно такую ее манеру общения – коктейль из иронии, теплоты, нежности, колкости и доброты. В тот миг я словно вернулся в наши отношения. Но их время ушло безвозвратно.

– Устала я что-то, – сказала Рита, склонила голову на мой локоть и закрыла глаза.

На секунду я даже растерялся, но тут же ощутил, что сердце мое не забилося чаще. Рита открыла глаза и заглянула в мои. Вздохнула и, будто все поняв, взялась за поднос.

– А, да, сейчас! – вдруг встрепенулась она и ушла в подсобку, вернувшись, сунула в руки мне что-то темное. – Подарок тебе на день рождения... Поздравляю... Я забыла тогда тебя поздравить, извини...

Черный кошелек из дешевой кожи. Я покрутил его в руках, раскрыл, закрыл. Такой можно было купить в любом лотке рублей за триста.

– Спасибо, Рит! Неожиданно и приятно! – соврал я и улыбнулся. Наступила пауза. Та самая, неловкая, когда сказать уже нечего и как-то надо закончить разговор.

– Ладно, я пошла, – коснулась моей руки ладонью Рита. – А то работать надо...

– Да, давай, увидимся еще... – скомкано произнес я и вернулся за столик.

Вскоре мы покинули клуб. Уходя, я кивнул Рите, та кивнула в ответ и все глядела. Не выдержав ее взгляда, я отвел глаза – наше время ушло.

Оказавшись дома, я задумался – что делать с подарком? Я крутил кошелек в руках и не знал как поступить. Использовать по назначению не хотелось. Захотелось выбросить в мусор, но я не смог. Я открыл ящик стола и метнул кошелек глубоко под самую стенку.

Через пару дней в субботу я вновь забрел в клуб.

– Ромка! Здорова! – выкрикнул кто-то, нависший надо мною кудрявой и лохматой головой, обдав тут же сильным запахом спиртного. Я задрал голову.

– О, Сенёк, привет! – узнав, протянул я руку долговязому субъекту.

– Как жизнь!? Как бизнес!? – лыбился тот, пытаюсь сфокусировать пьяный взгляд.

– Да все нормально, Сань. Трудимся, – сказал я и машинально слегка отстранился от дышавшего мне в лицо знакомого. – Ты как?

– А мы с Иннкой снова встречаемся! – выдал Сашка и потрянул кудрями, сильнее поплыл в пьяной улыбке.

– Ого! Ну, поздравляю! Инна – девушка хорошая! – собрал я нейтральную фразу, подумав, что умно поступил, не став лезть в густо расставленные любовные сети Инны.

– Да, нормальная! – закивал Сашка, все растягивая улыбку, которая выглядела то ли хитрой и фальшивой, то ли глупой и бесхитростной.

– Ладно, Сань, я пойду... – произнес я.

– Уже уходишь!? Так рано!?

– Старею, Сань, старею... – хмыкнул я. – Ушел уже из «большого спорта».

– Ааа... ну, давай, Ромка, рад был тебя видеть! – хлопнул тот меня по плечу.

– Взаимно, Сань, – кивнул я и пошел к выходу.

«Странный персонаж. Вроде не дурак, а несерьезный какой-то, а может, и глупый, непонятно... Одно ясно – пьет, слабость у него к алкоголю, которая может и сгубить если за ум не возьмется», – подумал я про парня, в котором сочеталось несочетаемое.

И уже на улице, неспешно идя по зимнему городу, я осознал, что было не так в том долговязом Сашке – в нем не было стержня. В парне были задатки хорошего человека, но отсутствие внутреннего стержня превращало его в бесхарактерную тряпичную куклу.

– Роман, ну, давай, премию себе выпишем, а!? – выдал вдруг Сергей, сидя у двери в своей обычной позе, закинув ногу на ногу – щиколоткой на колено, дрыгая ступней и жуя нижнюю губу. – В честь наступающих праздников...

– Да давай, – пожал я плечами и глянул на Веру, пьющую стылый чай без сахара. Почти всегда так выходило – кто-нибудь наливал чай в три кружки разом, мы с Сергеем пили его сразу, а Вера за работой забывала о своем. В итоге всегда пила чай остывшим.

– По сколько возьмем!? – быстрее задрыгал ногой Сергей.

– Не знаю... – скрестил я руки на груди, откинулся в кресле. – Мне все равно...

– Ну... давай по пять тыщ выпишем!?

– Давай.

– Вер, ну спиши! – обрадовано скомандовал Сергей и выудил из портфеля пачку денег – свою половину «общака». – С меня и с Ромки по пять тыщ премию!

Вера вынула из стола тетрадку, пошелестела страницами, сделала запись.

– Ну, и Верку выпишем, да, наверное!?! – сказал Сергей, зыркнув на меня и переведя взгляд на жену, замершую над тетрадкой. – Она же у нас делает всю бумажную работу...

– Да, можно, конечно! – согласился я без колебаний.

– Сколько ей выпишем? – поплыл в улыбке Сергей, продолжая смотреть на жену. – Да, Верок!? Премию заслужила!?

– Ну, как младшему и единственному офисному работнику, думаю, три тыщи будет в самый раз! – сказал я и посмотрел на жену напарника. – Вер, нормально три?

– Да, Ром, нормально, – кивнула та. – Списывать с тебя или с Сережи или как?

– Да можно с Ромки, можно с меня, я не знаю... – сказал Сергей и глянул на меня.

– Вер, ну, давай, пополам, чтоб обшак у каждого ровный оставался! – произнес я и добавил. – Серый, возьми Вере из своих три, а я тебе полторы принесу в понедельник...

Пальцы напарника неуклюже заломили пачку и, трясясь, начали отсчет – медленно и неловко, путаясь и сбиваясь. Я и Вера молча наблюдали. Пальцы вдруг замерли, Сергей поднял голову, произнес: «Сколько я должен взять?»

– Восемь, – ответил я. – Пять и три.

– А, да, точно! – кивнул Сергей, и его пальцы заново заерзали по купюрам.

Вера принялась рассеянно перебирать бумаги на столе. Я, откинувшись на спинку кресла, стал мерно крутиться в нем, держась взглядом за трясущиеся пальцы напарника.

– Так, есть, восемь! – произнес тот, сунул пачку в портфель и вынул оттуда новый кошелек, старательно уложил в него отсчитанную сумму и вернул кошелек в портфель.

– Все, с этим разобрались, – выдохнул Сергей, распрямился в кресле и, будто утирая пот, провел тыльной стороной руки по лбу.

В субботу 24 декабря я проснулся поздно. За окном из непроглядных облаков падал снег. Выбираться из-под нагретого одеяла не хотелось, и я остался лежать в полудреме. В какой-то момент подумалось о Лиле — близились праздники, и она должна была приехать из Москвы к родителям. И в тот же миг я почувствовал, что прямо сейчас Лиля позвонит. Я посмотрел на лежащий рядом телефон и... он зазвонил!

– Алло.

– Привет, – раздался в трубке нарочито мягкий голос. – Это я, Лиля...

– А, Лиль, ты!? – вложил я в интонацию удивление. – Привет...

– Я приехала сегодня утром... Может... вечером увидимся...? – сказала та.

– Увидеться? Да можно... давай увидимся!

Я подошел к кинотеатру без пяти шесть и заметил Лилю первым.

– Привет! – улыбнувшись, произнес я.

– Привет, – ответила тихо та, порхнула пару раз ресницами и потупила взгляд вниз. Излюбленный прием. Лиля была одета в белую шубу и белую беретку. Я почему-то сразу понял, что шуба новая и это едва ли не первый выход Лили в ней. Беретка не шла к шубе и портила весь образ. Все равно, что надеть кожаные штаны и галоши, сочетая вещи только по признаку цвета. Внутри меня зародилось едкое веселье. Лиля глянула на меня невинно и вновь опустила глаза. Вся ее поза говорила о кротости и смирении.

«Актриса», – подумал я, ощутив вспыхнувший во мне азарт игры.

– Сегодня приехала? – механически ляпнул я, даже не пытаясь угодить с вопросом.

– Да, сегодня, утром на поезде, – ответила Лиля, продолжая держать обеими руками перед собой белую сумочку, как держат школьный портфель дети.

– Ааа... понятно, – выдал я, крутя головой по сторонам.

Лиля выждала, но продолжения от меня не последовало.

– Куда пойдём? – произнесла она.

– Не знаю, – пожал безразлично плечами я. – Пойдем, погуляем, там решим...

– Хорошо, пойдём, – кротко согласилась Лиля.

Мы медленно пошли по проспекту. Рука Лили аккуратно взяла меня под локоть, я ухмыльнулся. Через полчаса прогулки мы свернули в кафе. И там наше общение текло так же вяло. Я не усердствовал в словах, Лиля пила кофе и приторно деликатничала. Я слушал ее вполуха, забывая сказанное почти все и сразу.

– Я тебе говорила, что собираюсь покупать машину? – произнесла Лиля.

– Нет, не говорила, – пожал я плечами. – Может, и говорила, но че-то я не помню...

– После Нового года в салонах будут хорошие скидки, тогда и куплю, наверное...

– Ну, молодец, что сказать... – болтал я ложкой в чашке чая, и смотрел туда же лишь бы не встречаться лишний раз с Лилей взглядами. – А какую же машину хочешь купить?

– Не знаю, я пока не решила. Какую-нибудь небольшую женскую машинку, я плохо пока в них разбираюсь... В общем, какую-то маленькую!

Я глянул на Лилю, та пристально смотрела на меня, я вяло улыбнулся.

– Как куплю, обещаю, тебя обязательно покатаю! – улыбнулась Лиля ослепительно, и я неумышленно вновь зацепился взглядом за искусственный ряд зубов. Еще недавно все, что виделось чем-то волшебным цельным и светлым, распалось на разнородные элементы, выглядевшие по отдельности обыденно и дешево. Эдакий постлюбовный эффект.

– Договорились, – ухмыльнулся я.

Вечер закончился так же скучно, как и начался — я отвез Лилю на такси к дому, не поцеловав и не договорившись о следующей встрече, простился с ней и вернулся в такси.

Я был уверен, что Лиля вскоре позвонит, ведь кто-то же должен был спонсировать ее праздничные дни. Звонок случился на следующий день в обед. Я отказался встречаться, соврав о плохом самочувствии. Игра мне нравилась, и я сделал ставку на еще один звонок.

В понедельник 26 декабря наша фирма работала. Не смотря на праздничную суету, заказы были, и мы проработали до среды. А с четверга начались выходные аж до 9 января.

Лиля позвонила 27-го и предложила отпраздновать близящийся Новый год вместе. Я согласился, и Лиля включила старый трюк: предложила сходить в модный клуб с ней и подружкой или сходить в кафе вдобавок еще и с братом Лили с его женой. На мой выбор.

– Но мне с братом совсем не хочется отмечать, – тут же повела меня Лиля к первому варианту. – Там его жена будет, а мы с ней не очень ладим. Да и то кафе мне не очень...

Сводить двух девушек в дорогое заведение и сильно облегчить свой карман, либо пойти с ними в недорогое кафе, поделив финансовую нагрузку пополам с братом Лили?

– Лиль, а мне че-то наоборот... В кафе я бы еще сходил, а в клуб не хочу, уж извини. Слушай, ну, раз тебе не хочется в кафе, сходите с подружкой в клуб вдвоем, а мы с тобой отдельно встретимся, погуляем, попьем кофе, как обычно, в общем! – парировал я, зная, что «как обычно» Лиле не надо – играть влюбленную за чашку кофе, не велика выгода.

– Ну да, мы, наверное, так и сделаем... – после паузы задумчиво произнесла Лиля.

Мы обменялись еще парой общих фраз, на том и закончили.

28-го родители разругались вдрызг. Мать спровоцировала отца и, получив причину для гнева, с час поливала того матом. Отец поначалу отвечал вяло, после перешел на крик. Квартира раскалывалась от скандала. Моя голова тоже. Я готов был деться куда угодно.

– Привет, – объявилась Лиля. – Я вчера говорила с братом после нашего разговора. Он сказал, что приглашает нас в кафе. Ты же говорил, что в кафе можно сходить, пойдём?

Лиля все тянула одеяло на себя. Не получив лучшего варианта, онагнула меня на спонсорство хотя бы вечера в кафе. Деньги меня не волновали. Я готов был потратить их на продолжение игры. Мой ответ «да» воспримется Лилей как очередная победа. Пусть, я готов был отдать пешку, ради выигрыша партии, которую я вел со своими слабостями.

– В кафе!?! Да, Лиль, в кафе можно сходить! Я – за! Давай, сходим! – среагировал я.

Та обрадовалась и враз повеселела. Условившись встретиться следующим вечером сразу в кафе, мы распрощались, и из домашнего ада я уехал в «Чистое небо».

Вечером следующего дня я прибыл в кафе. Пять человек – я, Лиля, ее брат с женой и подружка Лили, которую та все-таки привела с собой – сели за столик, и далее началась та банальность, от которой меня уже воротило. Застолье. Что-то неуловимо глупое стало видеться мне в подобных попойках. Случившиеся внутренние изменения давали о себе знать все настойчивее. Я стал осознавать и видеть то, чего раньше не замечал.

Я оглядел кафе. Не отягченные интеллектом лица мелькали перед моими глазами. Брат Лили, едва усевшись, тут же принялся разливать водку. Я отказался от нее и заказал стакан виски с колой, который цедил долго, дав возможность остальным распить бутылку водки. Запьянев, все принялись танцевать. Лиля веселилась, пискляво чрезмерно смеясь и

хлопая в ладоши. Танцевать она не умела. Я помнил, что по рассказам Лили та занималась танцами. Плохое чувство ритма делало движения Лили скованными и угловатыми. Время тянулось. Я повторил свой заказ. Внутренне я находился где угодно, только не в том кафе. Подобного рода веселье виделось мне пустой тратой времени. Брат Лили крепко выпил и вперемешку с отборным матом начал нести чушь. «Надо перестать материться», – понял я и ощутил приступ стыда. Я прикончил второй стакан. Веселясь, Лиля продолжала строить из себя какую-то значимость. От окружающего цирка тошнило. Официант принес счет, и мы с братом Лили оплатили его поровну. Наконец, компания вышла на улицу. Я подошел к ближайшему такси, договорился с водителем о цене и открыл заднюю дверь. Лиля села первой, я следом. Меж нами явственно ощущалось напряженное отчуждение. Молчание в машине лишь усилило его. Никто из двоих не пытался изображать отношения. Их не было изначально. Лиля уже не помещалась под шкурой невинной овечки, я же прозрел.

– Че ты молчишь!? – с претензией в голосе произнесла она.

– А что мне говорить? – не поворачивая головы и смотря в окно ответил я.

– Ну, скажи уж что-нибудь!? – обострила Лиля.

– Да мне нечего говорить. Какой смысл? – пожал я плечами и мельком глянул на Лилу. Та сидела, откинувшись в угол сидения, и сверлила меня недовольным взглядом.

– Как это какой смысл!? Не поняла!

– Да все просто, Лиль! – выдохнул я, понимая, что мой выбор и мое решение никто вместо меня не сделает и не примет. – Отношений у нас, по сути, нет никаких. Я не вижу смысла выяснять то, чего нет. Мы видимся редко. Ты приезжаешь, мы тусим, ты уезжаешь – все! Перспективы никакой, да и смысла, если честно, тоже...

– Ах, вот как! А что же ты тогда сегодня, бедняжка, весь вечер мучился, раз смысла нет!? Может быть, не надо было и видеться сегодня!?

– Может, и не надо было... – глядел я отрешенно в окно, более не желая принимать негатив и нервничать по несуществующей причине. Мы подъезжали к центру города.

Лиля умолкла, меня придавило безразличие.

– Нет смысла... – произнес я вслух больше для себя.

– Может быть, тебе нет смысла и меня провожать!? – агрессивно сказала Лиля. – А то сидишь тут рядом со мной, мучаешься!

– Может быть, и нет смысла провожать... – апатично повторил я.

– Так ты не мучайся, может, тебе лучше выйти прям здесь!? Зачем дальше ехать!?

– Да! – ожил я, наконец, приняв мучительное решение и впервые поборов мягкость характера в отношении женщин, доставлявшую мне всегда лишь проблемы. – Ты права! Мне лучше выйти! – я добавил уже водителю. – Остановите здесь! У гостиницы!

Машина послушно подкатила к обочине. Молча и не оборачиваясь я вышел из нее и зашагал вперед к светофору. Такси обогнало меня. Краем глаза я увидел озадаченное и надменное выражение лица Лили. Во взгляде ледяных глаз читалась злость. Я улыбнулся, задрал вверх голову и посмотрел в небо – крупные хлопья снега завораживающе медленно и густо сыпали сверху, материализуясь из черноты неба, падали сквозь желтые лучи света уличных фонарей. Едва первая снежинка коснулась лица, с меня тут же будто свалился не нужный груз, и в душе вспыхнула невыносимая радость. Я вприпрыжку по-детски пересек улицу, сдержав себя, перешел на шаг и пошел в обратную сторону к остановке. Но бежать хотелось нестерпимо. До остановки было метров пятьдесят. И тут со спины меня обогнала желтая маршрутка, «газель». «Моя!» – увидев номер, понял я, и... побежал! На бегу вдруг

стало нестерпимо весело, представилось, будто Лиля бежит следом и хочет меня поймать! И спасение мое лишь в этой полуночной «газели»! Не стесняясь, я побежал изо всех сил! Ведь редкие прохожие видели во мне лишь парня, старающегося успеть на маршрутку! Но я бежал не за «газелью», я бежал от мешавшего внутри меня барьера, который я надломил в тот вечер. Барьер дал трещину, сломать его окончательно и оставить в прошлом было уже лишь делом времени. Я бежал от прошлого в будущее!